

1828 * Л. Н. Толстой * 1953

Вершина русской классической литературы

В воспоминаниях М. Горького о Ленине имеется широко известная запись, характеризующая отношение Ленина к Толстому. В одно из своих посещений Ленина Горький увидел на его столе том «Войны и мира». Под живым впечатлением от романа Владимир Ильич заговорил о Толстом:

«— Какая глыба, а? Какой матерый человек! Вот это, батенька, художник... И,—знаете, что еще изумительно? Да этого графа подлинного мужика в литературе не было.

...—Кого в Европе можно поставить рядом с ним?
Сам ответил:
— Некого».

Произведения Л. Н. Толстого были хорошо известны Ленину, читаны им не раз. В одном из писем из заграницы Н. Б. Крупская писала о Ленине: «...разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в согный раз». В ее же воспоминаниях рассказывается о том, как, будучи в Швейцарии в 1915 г., Ленин с большим интересом смотрел пьесу Толстого «Живой труп».

Но Ленин не ограничился читательским восприятием произведений великого писателя. Он первым дал строго научную оценку всего творчества и учения Л. Н. Толстого. Величайшие произведения Толстого Ленин считал выражением высокой ослепленности русского народа, а самого писателя ставил в первый ряд гениальных мастеров слова.

Ни в одной из стран мира на долю художественной литературы не выпало такой почетной и ответственной задачи, какую на протяжении целых столетий выполняла русская литература в борьбе с паризмом и крепостничеством. В борьбе за правду и справедливость, за свободу и народное счастье русские писатели создали все свои лучшие произведения, сочетающие высокую идейность и литературное мастерство.

Одним из таких писателей был Л. Н. Толстой. Начав литературную деятельность еще при крепостном праве, он на протяжении более полувека в своих произведениях ярко отражал жизнь дореволюционной России, оставшейся и после реформы 1861 г. полукрепостнической.

Прогрессивное значение Толстого состояло прежде всего в реалистическом изображении действительности. Будучи представителем помещичьей знати России, он нашел в себе силы решительно порвать со взглядами своей среды и обрушиться «с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии» (Ленин).

Обличительная направленность произведений Толстого, особенно в последний период его творчества, вызвала резко враждебное отношение к нему со стороны правящих классов. Еще в 1887 г. Александр III назвал его «нигилистом», что в представлении этого жандарма на троне означало — опасный революционер. Позднее огульная реакция добилась отлучения Толстого от церкви. Его имя ежегодно предавалось во всех церквях анафеме. Однако вся эта травля, организованная правящей кликой, не смогла ослабить интереса передовой части общества к творчеству Толстого.

Царские власти приняли все меры к тому, чтобы замолчать и по сути дела за-

претить празднование 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого. Больше того, воспользовавшись болезнью писателя, они вместе с церковниками неоднократно пытались фальсифицировать его «рассказы» и примирение с царизмом и церковью. В то же время либеральная печать и критика, лицемерно восхваляя Толстого, попытались замолчать все острые злободневные вопросы, выдвинутые в его произведениях.

В такой обстановке, на протяжении двух с небольшим лет, появились одна за другой семь ленинских статей, посвященных Толстому. В этих статьях Ленин разрушил легенду о Толстом-праведнике, кающемся дворянине и впервые установил революционную сущность толстовского обличения и протеста, отражающую народные чаяния.

Понимая эту свою роль, сам Толстой в годы первой революции говорил: «Я во всей этой революции состою в звании добро- и самовольно принятом на себя адвоката стомиллионного земледельческого народа». Причем эта революция, считал писатель, «будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция».

Показав глубокую связь великого критика, страстного обличителя с настроениями широчайших масс крестьянской России, с новой Россией, рождавшейся в революционных боях, Ленин в то же время писал: «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не шла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними».

Отсюда беспомощность Толстого, когда он пытается дать свою программу. Проповедуя отказ от собственности, он в то же время отвергает методы насильственного свержения эксплуататоров, верит, что владеющие собственностью мирно откажутся от нее. Таким образом, обличительная деятельность писателя, зовущая к борьбе за создание нового общества, оказалась в противоречии с его учением о непротивлении. Это пол копец жизни понял и сам Толстой, когда писал в дневнике, что непротивление народа будет означать для него «крابство под игом японца или немца».

Давая оценку творчеству Толстого, Ленин говорил, что в его произведениях «выразилась и сила, и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского движения» в революции. «Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,—действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Отвергая слабые стороны учения Толстого, все, что принадлежало в его творчестве прошлому, Ленин призвал взять в наследие великого русского писателя все, что принадлежит будущему. А это наследие — воинские грандиозно. Лев Николаевич есть и останется в веках как непревзойденный художник слова, связавший свою жизнь, все свое творчество с жизнью и стремлениями народа.

Творчество Толстого — вершина классической русской литературы, — наше будущее полное признание только в наше время, когда оно стало достоянием народа, успешно осуществляющего строительство коммунизма в нашей стране.

М. АНДРЕЕВ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

Мой дед — известный русский художник Н. Н. Ге был личным другом Льва Николаевича Толстого. Они часто встречались. Дед, вся наша семья и я гостили в Ясной Поляне, а дед бывал и в московском доме Толстых. Впервые я увидела Л. Н. Толстого на хуторе, когда мне было лет 6—7.

Я играла во дворе, когда меня окликнул Лев Николаевич, и я сама его, помню, привела в дом к бабушке.

Позднее я на каникулах ездила в Ясную Поляну сама, а после смерти дедушки, выросшая, бывала также в Ясной Поляне. Никогда не забуду чувства радости и восхищения, которое я испытывала, подбегая к Ясной Поляне.

Последний раз в жизни я увидела Льва Николаевича в 1910 году. Возвратившись из Женева домой, я прежде всего заехала в Ясную Поляну. На лестнице меня встретил Лев Николаевич, поцеловал, поздоровавшись, и долго расспрашивал о моих делах, о моем отце, которого вся семья Толстых и Лев Николаевич особенно любили (о моем отце Лев Николаевич делал краткие записки в своих дневниках). Прошло 43 года, как я виде-

ла Льва Николаевича, но мне кажется, что это было вчера. Сохранился он в моей памяти таким, каким его нарисовали Репин и Ге, — мудрый, умный и чуткий, в своей неизменной блузе.

Лев Николаевич был очень прост в обращении с людьми, всегда стремился им помочь. Лев Николаевич очень любил природу. Почти ежедневно совершал прогулки верхом, всегда возвращаясь радостный и удовлетворенный.

Помню и читаю им влудх своих произведений: вся семья и гости, если они были, собирались чаще всего в гостиной, и Лев Николаевич читал. Читал он замечательно, сам переживая и волнуясь. На местах, его особенно трогавших, он чтение прерывал, и голос у него дрожал от волнения.

Лев Николаевич Толстой и его замечательные произведения оставили во мне глубокий след и определили мой жизненный путь. До глубокой старости я работала, принося посильную пользу людям.

Прасковья ГЕ.

Алушта.

Гаспра

Недалеко от Ялты, в курортном поселке Гаспра, при въезде в большой тенистый парк на воротах висела вывеска: санаторий «Ясная Поляна». Эти два слова тесно связаны с именем великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Кто не знает Ясной Поляны недалеко от Тулы, где жил Лев Толстой, где он похоронен!

Крымский санаторий не случайно назван этим именем. Расположенный в глубине этого парка большой серый стилизованный дворец, в котором после Великой Октябрьской социалистической революции был открыт санаторий, связан с памятью о пребывании в нем великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого. Больше полувека тому назад здесь в осенне-зимний и весенний сезоны 1901—1902 гг. жил Л. Н. Толстой. Как известно, в это же время в Ялте жил Антон Павлович Чехов.

В середине ноября 1901 года в Крым приехал Горький. Провив несколько дней на даче у Чехова, он переселился затем в Оленз (Мисхор), «чтобы быть ближе к Толстому», — как писал А. П. Чехов своей жене. Дача Токмаковой «Нюра», где поселился Горький, была очень близко от имения Паниной, но внизу, у самого моря.

Начались частые встречи трех великих современников. Чехов познакомился с Толстым в 1895 г., Горький — в 1900 г. Толстой вызывал у них огромный интерес. Оба они необычайно ценили и любили Толстого как писателя с могучим талантом, великого художника слова.

Лев Николаевич, со своей стороны, также с большим интересом и дружеским расположением относился и к Чехову и к Горькому. А. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом по наблюдениям, сделанным в Гаспре, писал: «Чехов он любил и всегда, глядя на него, точно глядел лицо Антона Павловича взглядом своим, почти нежным в эту минуту». Горькому же Толстой сам писал после знакомства с ним: «Я очень был рад узнать Вас и рад, что полюбил Вас... Мне Ваши писания понравились, а Вас я нашел лучше Вашего писания». В своем дневнике, в записи, сделанной 22 ноября 1901 г. в Гаспре, Толстой написал: «Рад, что и Горький и Чехов мне понравились, особенно первый».

Писатель болел в Крыму. Критический момент в состоянии здоровья пережил Л. Н. Толстой в Гаспре в начале 1902 года. В конце января положение его настолько было плохо, что врачи уже потеряли надежду на благоприятный исход. А. П. Чехов писал жене 27 января 1902 года: «Толстой очень плохо; у него была грудная жаба, потом плевроит и воспаленное легкое. Вероятно, о смерти его услышишь раньше, чем получишь это письмо. Грустно, на душе пасмурно». Лечил Толстого приехавший из Москвы доктор Шуровский и ялтинский врач Альтшуллер, обычно лечивший и Чехова.

Вся русская общественность была встревожена новостями слухами о близкой смерти любимого писателя. Правительственные круги по своему готовились к этому печальному событию. Опасаясь антиправительственных демонстраций, правительство хотело сначала скрыть от народа смерть Толстого, а затем, уже позднее, сообщить, что перед смертью Лев Толстой раскаялся в своих «грехах». Церковные круги пошли даже на такую фальсификацию: священнику прихода было дано указание присутствовать при смерти писателя, попытаться уговорить его раскаяться, а затем, неза-

висимо от результатов этих попыток, объявить народу о том, что перед смертью Толстой раскаялся... В Симферополе из министерства внутренних дел были получены соответствующие инструкции о мерах, связанных со смертью Толстого. Но семья и окружающие близкие люди принимали свои меры на случай смерти Льва Николаевича. А. М. Горький пишет в воспоминаниях:

«Толстой был настолько опасно болен, что, ожидая его смерти, правительство уже прислало из Симферополя прокурора, и чиновник сидел в Ялте, готовясь, как говорили, конфисковать бумаги писателя. Именем графини С. Паниной, где жили Толстые, было окружено шпионами, они шлолись по парку, и Леопольд Сулержицкий выгонял их, как свиней из огорода. Часть рукописей Толстого Сулержицкий уже тайно перевез в Ялту и спрятал там».

Такая дикая, паничная обстановка была создана царским реакционным правительством в момент, когда жизнь гениального русского писателя действительно висела на волоске.

Но крепкий организм Толстого вынес тяжелейшее испытание и вышел из него победителем. Восстановление сил Льва Николаевича проходило медленно. Еще 2 апреля Чехов так описывал академику Кондакову состояние писателя: «Л. Н. Толстому лучше, это несомненно, болезнь (воспаление легких) миновала, но все же он слаб, очень слаб, только недавно стал сидеть в кресле, а то все лежал. Я был у него третьего дня, и он показался мне выздоравливающим, но очень старым... Много читает, голова ясная, дача необыкновенно умная».

Тогда в Гаспре Толстой работал над повестью «Хазжи-Мурат» и написал несколько религиозно-философских статей.

Толстой трижды был в Крыму. Он участвовал в Севастопольской обороне 1854—55 гг., будучи артиллерийским офицером. Второй раз Толстой был в Крыму, в Симеизе, в 1885 году, но недолго, всего лишь около недели. В третий свой приезд в Крым Толстой прожил на Южном берегу девять с половиной месяцев. Он был в восторге от красот Крыма. В одном из писем к брату он так описал свою жизнь в Гаспре: «Жить я здесь в роскошнейшем палаццо, в каких никогда не жил: фонтаны, разные поливные газоны в парке, мраморные лестницы и т. п. и, кроме того, удивительная красота моря и гор. Со всех сторон богачи и разные великие князья, у которых роскошь еще в 18 раз больше».

Оценка Толстым этой роскоши приобретает особый смысл, если прочесть другое его письмо того же времени: «Красота здесь удивительная, и мне было бы совсем хорошо, если бы не совестно».

Толстой, отразивший в своих произведениях «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого» (Ленин), не мог не отметить те резкие социальные контрасты, которые он наблюдал в Крыму на каждом шагу. С одной стороны, дворцы, роскошь, величие, доступные «богачам и разным великим князьям», с другой, — бедность, нищета, изнурительный труд простого народа.

Писатель прожил в Гаспре до конца июня 1902 года. Здоровье его здесь окончательно поправилось. Он уезжал окрепшим и бодрым. Это был его последний приезд в Крым.

Н. СЫСОЕВ,

научный сотрудник Дома-музея А. П. Чехова.

„Севастопольские рассказы“

В сентябре 1852 года в очередной

во многом автобиографичны. В них во-

лись испортить правщики и цензоры. Воспроизводить правду во всей ее красоте, — в этом видел Толстой свой патристический литературный долг. И он следовал ему, не отступая.

Вот почему сейчас, сто лет спустя, мы

дится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполнит свое дело, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудия, — так же спокойно и самоуверенно, и равнодушно, как бы все это происхо-

ный интерес писателя к «диалектике души» — это прежде всего отмечал критик и в доказательство своих мыслей цитировал в статье внутренний монолог офицера Праскухина из «Севастопольских рассказов».

раз. В одном из писем из заграницы Н. К. Крупская писала о Ленине: «...разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз». В ее же воспоминаниях рассказывается о том, как, будучи в Швейцарии в 1915 г., Ленин с большим интересом смотрел плечу Толстого «Живой труп».

Но Ленин не ограничился читательским восприятием произведений великого писателя. Он первым дал строго научную оценку всего творчеству и учения Л. Н. Толстого. Величайшие произведения Толстого Ленин считал выражением высокой одаренности русского народа, а самого писателя ставил в первый ряд гениальных мастеров слова.

Ни в одной из стран мира на долю художественной литературы не выпало такой почетной и ответственной задачи, какую на протяжении целых столетий выполняла русская литература в борьбе с паразитом и крепостничеством. В борьбе за правду и справедливость, за свободу и народное счастье русские писатели создали все свои лучшие произведения, сочетающие высокую идейность и литературное мастерство.

Одним из таких писателей был Л. Н. Толстой. Начав литературную деятельность еще при крепостном праве, он на протяжении более полувека в своих произведениях ярко отражал жизнь пореволюционной России, оставшейся и после реформы 1861 г. полукрепостнической.

Прогрессивное значение Толстого состояло прежде всего в реалистическом изображении действительности. Будучи представителем помещичьей знати России, он нашел в себе силы решительно порвать со взглядами своей среды и обрушиться «с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии» (Ленин).

Обличительная направленность произведений Толстого, особенно в последний период его творчества, вызвала резко враждебное отношение к нему со стороны правящих классов. Еще в 1887 г. Александр III назвал его «нигилистом», что в представлении этого жангарма на троне означало — опасный революционер. Позднее оглодевшая реакция добилась отлучения Толстого от церкви. Его имя ежегодно предавалось во всех церквях анафеме. Однако вся эта травля, организованная правящей кликой, не смогла ослабить интерес передовой части общества к творчеству Толстого.

Царские власти приняли все меры к тому, чтобы замолчать и по сути дела за-

Полная это роль, сам Толстой в годы первой революции говорил: «Я во всей этой революции состою — в званнии добро- и самовольно принятом на себя адвоката стомиллионного земледельческого народа». Причем эта революция, считал писатель, «будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция».

Показав глубокую связь великого критика, страстного обличителя с настроениями широчайших масс крестьянской России, с новой Россией, рождавшейся в революционных боях, Ленин в то же время писал: «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними».

Отсюда беспомощность Толстого, когда он пытается дать свою программу. Проповедуя отказ от собственности, он в то же время отвергает методы насильственного свержения эксплуататоров, верит, что владеющие собственностью мирно откажутся от нее. Таким образом, обличительная деятельность писателя, зовущая к борьбе за создание нового общества, оказалась в противоречии с его учением о непротирании. Это под конец жизни понял и сам Толстой, когда писал в дневнике, что непротирание народа будет означать для него «рабство под игом японца или немца».

Давая оценку творчеству Толстого, Ленин говорил, что в его произведениях «выразилась и сила, и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского движения» в революции. «Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Отвергая слабые стороны учения Толстого, все, что принадлежало к его творчеству, Ленин призвал взять в наследие великого русского писателя все, что принадлежит будущему. А это наследие — поистине грандиозно. Лев Николаевич есть и останется в веках как непревзойденный художник слова, связавший свою жизнь, все свое творчество с жизнью и стремлениями народа.

Творчество Толстого — вершина классической русской литературы, — наше дело свое полное признание только в наше время, когда оно стало достоянием народа, успешно осуществляющего строительство коммунизма в нашей стране.

М. АНДРЕЕВ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

Мой дед — известный русский художник Н. Н. Ге был личным другом Льва Николаевича Толстого. Они часто встречались. Дед, была наша семья и я гостили в Ясной Поляне, а дед бывал и в московском доме Толстых. Впервые я увидела Л. Н. Толстого на хуторе, когда мне было лет 6—7.

Я играла во дворе, когда меня обличил Лев Николаевич, и я сама его, помню, провела в дом к дедушке.

Позднее я на каникулах ездила в Ясную Поляну сама, а после смерти дедушки, бывала также в Ясной Поляне. Никогда не забуду чувства радости и восхищения, которое я испытывала, подвезая к Ясной Поляне.

Последний раз в жизни я видела Льва Николаевича в 1910 году. Возвратившись из Женевы домой, я прежде всего заехала в Ясную Поляну. На лестнице меня встретил Лев Николаевич, поцеловал, поздравившись, и долго расспрашивал о моих делах, о моем отце, которого все семья Толстых и Лев Николаевич особенно любили (о моем отце Лев Николаевич делал краткие записи в своих дневниках). Прощая 43 года, как я виде-

ла Льва Николаевича, но мне кажется, что это было вчера. Сохранился он в моей памяти таким, каким его нарисовали Репин и Ге, — мудрый, умный и чуткий в своей неизменной блузе.

Лев Николаевич был очень прост в обращении с людьми, всегда стремился им помочь. Лев Николаевич очень любил природу. Почти ежедневно совершал прогулки верхом, всегда возвращался радостный и удовлетворенный.

Помню и читаю им вслух своих произведений: вся семья и гости, если они были, собирались чаще всего в гостиной, и Лев Николаевич читал. Читал он замечательно, сам переживая и волнуясь. На местах, его особенно трогавших, он чтение прерывал, и голос у него дрожал от волнения.

Лев Николаевич Толстой и его замечательные произведения оставили во мне глубокий след и определили мой жизненный путь. До глубокой старости я работала, принося посильную пользу людям.

Алушта.

Прасковья ГЕ.

„Севастопольские рассказы“

В. ВИХРОВ

В сентябре 1852 года в очередной книжке демократического журнала «Современник», который редактировал Некрасов, появилась повесть «История моего детства», подписанная буквами «Л. Н.». За нею последовало ее продолжение — «Отрочество». Потом — рассказы «Набег», «Заниски маркера».

Эти произведения обратили на себя внимание читающей публики. Критики в своих обзорах уже упоминали о рассказах и повестях «Л. Н.» в одном ряду с именами Тургенева, Островского, Гончарова, Григоровича. Кто скрывался за этими инициалами «Л. Н.» или «Л. Н. Т.» — знали лишь немногие. Присылая свои рукописи в редакцию журнала, автор ставил непременное условие: хранить его имя в строгом секрете. Он словно не желал открыться свое имя читателям, еще неуверенный в том, что литература — не эпизод, не случайность, а его жизненное призвание.

Когда был напечатан первый севавтопольский рассказ «Севастополь в декабре», из редакции «Современника» писали автору, что его военные рассказы с жаждой «читает вся Россия» и что все с нетерпением ждут букв «Л. Н. Т.». И это не было преувеличением. Люди в то время ловили каждое известие из Крыма, а в рассказе Л. Н. Т. перед читателями вставала сама жизнь, был осажденный Севастополь, нарисованный пером зоркого художника.

Была еще одна причина популярности «Севастополя в декабре». Тогдашние англо-французские захватчики и их турецкие прихвостни, вступая в Восточную войну, лелеяли широкие планы. Они намечали оторвать от России Литву, Белоруссию, юго-западную Украину, Крым... Однако нападение на Крым в сентябре 1854 года застало царское правительство врасплох. Десант с моря не ждали, в него не верили. А когда события гранули, высшие круги в Петербур-

ге охватила паника. Там теперь не верили другому: что можно удержать Севастополь. Ровно через месяц перепуганный Николай I говорил: «дело предстоит уже не в сохранении, а в обратном завоевании Крыма...» Крымская кампания только-только началась, а «сдающийся» самодержец уже отдавал Крым врагу!

Лондонские и парижские газеты тоже кричали о скором падении Севастополя. По стране ползли слухи один мрачнее другого. В этот период и появился рассказ «Севастополь в декабре», принадлежавший участию событий, который описывал то, что видел сам. Его описания с натуры приводили читателей к выводу рассказа:

«Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь... и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя... Надолго оставят великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»

Рассказ «Севастополь в декабре» был благой вестью для всех тех, кто подобно защитникам Севастополя, изображенным писателем, бился сердцем «за родину». Успех военных рассказов утверждал их автора на литературном поприще, и, может быть, поэтому третий рассказ — «Севастополь в августе» он впервые подписал своим полным именем. Так вместе с «Севастопольскими рассказами» вошло в русскую литературу новое имя: Лев Толстой.

«Севастопольские рассказы» Толстого

во многом автобиографичны. В них вошли непосредственные жизненные впечатления автора, артиллерийского подпоручика, командира одной из батарей на героическом Малаховом кургане. Толстой мог бы и не ехать в осажденный Севастополь: ему не давали туда назначения. Но служба при штабе в тихом Кишиневе была не по нем. При первом же известии о вражеском вторжении Толстой подает рапорт о переводе в Крым и в конце концов, добивается своего. «Я просился в Крым отчасти для того, чтобы видеть эту войну, — объяснял впоследствии писатель в письме к брату, — а больше всего из патриотизма...»

Патриотическими побуждениями писателя были рождены и его «Севастопольские рассказы». Разумеется, что патриотизм Толстого не имел ничего общего с повинистическим угаром казенных листов, хотя цензоры и пытались подладить рассказы писателя на этот манер. Например, в конце второго севавтопольского рассказа «Севастополь в мае» была приделана такая фраза: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие...» А кто же? На этот вопрос рассказ давал другой ответ. Толстому было ясно, что войну затеяли не народы... Народом были чужды империалистические вождения как английских и французских биржевиков и турецких беков, так и царя с помещиками. «Вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью», — писал Толстой в начале этого рассказа. И заканчивался он поиному, совсем не так, как хотелось цензорам:

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Такими проникновенными словами заканчивался этот рассказ, который пыта-

лись испортить правщики и цензоры. Воспроизводить правду во всей ее красоте, — в этом видел Толстой свой патриотический литературный долг. И он следовал ему, не отступая.

Вот почему сейчас, сто лет спустя, мы представляем себе Севастопольскую оборону 1854—55 гг. больше всего по рассказам Толстого. С их страниц глядя на нас ее самоотверженные герои, простые русские люди, которые, по словам писателя, «в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину».

Главным из того нового, своеобразного, что вносил Толстой в русскую военную прозу своими кавказскими и крымскими рассказами и что нашло потом свое полное выражение в эпопее «Война и мир», было пристальное внимание писателя к изображению народа. Основные действующие лица «Севастопольских рассказов» являются не полководцы и генералы, а солдаты, матросы, жители окраин, которые не захотели бежать из осажденного города, незаметные офицеры в старых шинелях, закопченных порохом и пробитых пулями. Эти люди, не думая о героизме, совершают героические дела, своею кровью обороняя город.

Первый рассказ «Севастополь в декабре» дает читателям общую панораму бедя, Баррикады на улицах. На ступенях Графской пристани валяются какие-то огромные брусья, заржавленные ядра, слиты солдаты. На пристани бабы проляют бляди, мужики кричат обитенные гордым. Вдали, на рейде, стоят вражеские корабли, где-то совсем близко рвутся бомбы. «Первое впечатление ваше непременно самое неприятное, — пишет Толстой, — странное смешение лагерной и городской жизни... вам даже покажется, что все перепуганы, суетсяяся, не знают, что делать. Но взгляните ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фурштатского солдата, который ведет поить какую-то гнедуку тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблу-

жил Антон Павлович Чехов. В середине ноября 1901 года в Крым приехал Горький. Прожив несколько дней на даче у Чехова, он переселился затем в Олез (Мисхор). «Чтобы быть ближе к Толстому» — как писал А. П. Чехов своей жене. Дача Токмаковой «Нора», где поселился Горький, была очень близко от имени Паниной, до виллы, у самого моря. Начались частые встречи трех великих современников.

Чехов познакомился с Толстым в 1895 г., Горький — в 1900 г. Толстой вызывал у них огромный интерес. Оба они необычайно ценили и любили Толстого как писателя с могучим талантом, великого художника слова.

Лев Николаевич, со своей стороны, также с большим интересом и дружеским расположением относился и к Чехову и к Горькому. А. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом по наблюдению Горькому же Толстой сам писал после знакомства с ним: «Я очень был рад узнать Вас и рад, что полюбил Вас... Мне Ваши писания понравились, а Вас я нашел лучше Вашего писания». В своем дневнике, в записи, сделанной 22 ноября 1901 г. в Гаспре, Толстой написал: «Рад, что и Горький и Чехов мне понравились, особенно первый».

Писатель болел в Крыму. Критический момент в состоянии здоровья пережил Л. Н. Толстой в Гаспре в начале 1902 года. В конце января положение его настолько было плохо, что врачи уже потеряли надежду на благоприятный исход. А. П. Чехов писал жене 27 января 1902 года: «Толстой очень плохо; у него была крупная жара, потом приверит и воспаленные легкие. Вероятно, о смерти его услышите раньше, чем получите это письмо. Грустно, на душе пасмурно». Лечили Толстого приехавший из Москвы доктор Шуровский и ялтинский врач Альбицкер, обычно лечивший и Чехова.

Вся русская общественность была встревожена новостями о состоянии здоровья близкого друга писателя. Правительственные круги по-прежнему готовились к этому печальному событию. Опасаясь антиправительственных демонстраций, правительство хотело сначала скрыть от народа смерть Толстого, а затем, уже позднее, сообщить, что перед смертью Лев Толстой раскаялся в своих «грехах». Церковные круги пошли даже на такую фальсификацию: священнику прихода было дано указание присутствовать при смерти писателя, попытаться уговорить его раскаяться, а затем, неза-

научный сотрудник Дома-музея А. П. Чехова.

Такая лихая, паничная обстановка была создана парским реакционным правительством в момент, когда жизнь гениального русского писателя действительно висела на волоске.

Но крепкий организм Толстого вынес тяжелейшее испытание и вышел из него победителем. Восстановление сил Льва Николаевича проходило медленно. Еще 2 апреля Чехов так описывал академику Кондакову состояние писателя: «Л. Н. Толстой лучше, это несомненно, болезнь (воспаление легких) миновала, но все же он слаб, очень слаб, только недавно стал сидеть в кресле, а то все лежал. Я был у него третьего дня, и он показался мне выздоравливающим, но очень старым... Много читает, голова ясная, глаза необыкновенно умные».

Тогда в Гаспре Толстой работал над повестью «Хатжи-Мурат» и написал несколько религиозно-философских статей. Толстой трижды был в Крыму. Он участвовал в Севастопольской обороне 1854—55 гг., будучи артиллерийским офицером. Второй раз Толстой был в Крыму, в Симеизе, в 1885 году, но нелого, всего лишь около недели. В третий свой приезд в Крым Толстой прожил на Южном берегу девять с половиной месяцев. Он был в восторге от красот Крыма. В одном из писем к брату он так описал свою жизнь в Гаспре: «Живу я здесь в роскошнейшем палатке, в каких никогда не жила: фонтаны, разные полевные газоны в парке, мраморные лестницы и т. п. и, кроме того, удивительная красота моря и гор. Со всех сторон богатые и разные великие князья, у которых роскошь еще в 18 раз больше».

Оценка Толстым этой роскоши приобретает особый смысл, если прочесть другое его письмо того же времени: «Красота здесь удивительная, и мне было бы совсем хорошо, если бы не совестино».

Толстой, отразивший в своих произведениях «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого» (Ленин), не мог не отметить те резкие социальные контрасты, которые он наблюдал в Крыму на каждом шагу. С одной стороны, дворцы, роскошь, великолепие, доступные «богачам и разным великим князьям», с другой, — бедность, нищета, изнурительный труд простого народа.

Писатель прожил в Гаспре до конца июня 1902 года. Здоровье его здесь окончательно поправилось. Он уезжал окрепшим и бодрым. Это был его последний приезд в Крым.

Н. СЫСОВ,
научный сотрудник Дома-музея А. П. Чехова.

дится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет свое дело, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудия, — так же спокойно и самоуверенно, и равнодушно, как бы все это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде... и в лице этой девичьи, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкам перепрыгивает через улицу».

Здесь каждое слово на месте, каждая деталь кстати, а все вместе они схватывают главную, знаменательную примету осажденного Севастополя: спокойную уверенность, непоказную храбрость его защитников.

Но Севастопольская оборона, конечно, не была какой-то военной идиллией, где все было одинаково хорошее и все герои. В своих военных рассказах Толстой проводит очень резкую грань между «мужиком» и «баринном», подчеркивает различие их миропонимания, их патриотических чувств, их отношения к войне, к исполнению воинского долга. Во втором рассказе «Севастополь в мае» он едко высмеивает труса князя Гальцина, который отлынивает от службы и во время штурма скрывается в надежном месте в городе и почитывает французский роман, поджидая, пока закончится тревога. Князю Гальцину, поручику Непитицкому, который тоже не пошел на бастион, сказавшись больным флюсом, и прочим севавтопольским аристократам (так называет их писатель) Толстой противопоставляет скромного пехотного офицера Михайлова, подлинного героя ночной атаки.

«Севастопольским рассказам» в высокой степени присущи черты толстовского гения, которые метко определил Чернышевский, разбирая в «Современнике» (№ 12 за 1856 г.) именно ранние произведения писателя — «Детство», «Отрочество» — и военные рассказы. Мощь психологического анализа, постанов-

ный интерес писателя к диалектике души — это прежде всего отмечал критик и в доказательство своих мыслей цитировал в статье внутреннюю монолог офицера Праскухина из «Севастопольских рассказов».

Чистота нравственного чувства, которым проникнуты произведения Толстого, его умение войти в душу простых людей и с замечательным мастерством воспроизводить не только внешнюю обстановку, в которой они живут и действуют, «но что гораздо важнее их взгляд на вещи», — эти черты, помеченные революционно-демократическим критиком Чернышевским, тоже нашли свое художественное воплощение в военных рассказах писателя.

Стоит только воскресить в памяти трогательный образ Володи Козельцова из третьего рассказа «Севастополь в августе», припомнить, что думал, что чувствовал, как храбро бился этот юноша, приехавший в Севастополь, как и Толстой, из горячий и искренней любви к родине, чтобы понять, как велика сила нравственного чувства толстовских произведений. Некрасов писал, что «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе... столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севавтопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже летят над белым Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси... Вот как пади ваши милые дети, — по крайней мере многие пали так, — и слава богу, что воспоминания о дорогих потерях будут сливаться в вашем воображении с таким чистым, светлым, поэтическим представлением, как смерть Володи. Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!»

«Севастопольские рассказы» трогают сердце. В них Толстой воспроизвел «взгляд на вещи» простых людей, с этой точки зрения оценил он факты и события и с огромной художественной силой запечатлел эпопею Севастополя, «которой героем был народ русский...»